

УДК 164

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-173-186>

Поступила: 01.02.2023

Принята: 12.05.2023

Опубликована: 07.07.2023

ОНТОЛОГИЯ, ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ И ЦЕННОСТИ, ИЛИ НЕСКОЛЬКО «ФИЛОСОФИЧЕСКИХ» РЕМИНИСЦЕНЦИЙ

Шрейбер Виктор Константинович

Челябинский государственный университет (Челябинск)

Статья продолжает серию публикаций, посвященных прояснению отношений между философией и мировоззрением. Ее предметом являются механизмы взаимодействия онтологических и ценностных установок в процессах принятия решений. Предполагается, что философия всегда так или иначе стремилась к их осмыслению, и именно нарастание культурной значимости этих усилий способствовало вычленению онтологии из общего метафизического лона. Статья начинается анализом понятия существования и экспликацией эволюционных предпосылок ситуаций, где возникает нужда в принятии решений. В связи с этим уточняются отношения отбора и выбора: первый предполагает заранее определенный критерий выбора, тогда как второй имплицитно предполагает свободу устремлений субъекта. В основной части статьи вводится идея схемы принятия решения как модели, объединяющей динамический и пространственный аспекты данного феномена, и исследуются отношения между бытием, возможностью и целями, а также функции картины мира и ценностей в целеполагании. При этом особое внимание уделяется природе ценностей и когнитивному сходству картины мира и онтологии. Поскольку ценности — часть сущего, для реформы метафизики требовалось прояснить различия между картиной мира и ценностями на категориальном уровне. В последнем разделе на основе полемики Локка и Лейбница о природе справедливости выдвигается гипотеза, что принцип достаточного основания явился эпистемической предпосылкой для становления аксиологии в качестве особой области философствования. Он позволил трансформировать обязательность объяснения, характерную для онтологических штудий, в поиски доводов для принятия критерия. Суммарно данный материал позволяет представить отношение картины мира и ценностей в качестве основного внутреннего противоречия мировоззрения.

Ключевые слова: онтология, существование, развитие, самоорганизация, отбор и выбор, возможность, принятие решения, ценности, закон достаточного основания.

Для цитирования:

Шрейбер В.К. Онтология, принятие решения и ценности, или несколько «философических» реминисценций // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 2. С. 173–186.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-173-186>

ONTOLOGY, DECISION-MAKING, AND VALUES, OR SEVERAL «PHILOSOPHICAL» REMINISCENCES

Viktor K. Shreiber

Chelyabinsk State University (Chelyabinsk)

The paper continues a series of the author's publications on relationships between philosophy and *Weltanschauung*. Its subject is the mechanisms of interaction between ontological attitudes and values in decision-making. It is assumed that philosophy has always, one way or another, strived for their comprehension, and it was the increasing cultural significance of these efforts that contributed to the separation of ontology from the general metaphysical field. The article begins with an analysis of the concept of existence and an explication of the evolutionary premises of situations where the need for decision-making arises. The author refers to the concept of a self-organizing system, the role of information blocks and the place of selection and choice in its reproduction. Selection is based on predetermined criteria, while choice, with its greater or lesser certainty of the options, on the contrary, implies variability of the agent's aspirations. In the main part of the article, the author introduces the idea of a decision scheme as a model that combines the dynamic and spatial aspects of this phenomenon; relations between being, possibility, and goals are explored. Special attention is given to the importance of spiritual values for the formation of goals and to the cognitive similarity between ontology and the picture of the world as a component of the worldview. Since values exist, the restructuring of metaphysics demanded clarification of the functions of values in decisions. The last section, based on the controversy of Locke and Leibniz over justice, shows that the law of sufficient reason was an epistemic prerequisite for the formation of axiology as a special area of philosophizing. All the material considered makes it possible to present the relationship between the picture of the world and values as the basis of the goal-setting.

Keywords: ontology, existence, development, self-organization, selection and choice, opportunity, decision-making, values, the law of sufficient reason.

To cite:

Shreiber V.K. [Ontology, decision-making, and values, or several «philosophical» reminiscences]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 2, pp. 173–186 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-173-186>

Введение

Поскольку понятие бытия как результат предельного перехода предполагало отвлечение от конкретной чувственности воды, «корней» или воздуха, метафизика была онтологией. Потом они разошлись, и в лоне метафизики формируются новые предметные подразделения: для древних (прекрасное, добро, святое и истина) были лишь разными аспектами одной и той же субстанции. Сегодня они — предметы разных философских дисциплин.

Основания такой дифференциации понятны. Общество — открытая система; оно не может

не меняться: технология, социальная сфера, культура подвижны. Философская рефлексия всегда стремилась быть на передовой линии цивилизационных сдвигов. Отсюда в философии менялись тематика, методы, категориальный состав и его содержание. Изменения такого рода известны. Я хочу поставить вопрос шире: нет ли исторической логики в развитии строения философского знания как целостности? Мой ответ будет положительным и тезисно может быть представлен следующим образом: предметом философской рефлексии является структура (схема) ситуации принятия решений, и специфические особенности онтоло-

гического знания обусловлены его ролью в анализе тех альтернатив, которые, собственно, и ставят человека перед обязательностью самоопределения, т.е. выбора направления тех усилий, которые нужны для преодоления жизненных трудностей. Это заявление требует пояснения. Будем полагать, что «человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления» [Маркс К., 1959, с. 7].

Мировоззрение как идейное обеспечение жизни контролирует только те ее участки, где эта концептуализация подготовлена. Однако философия, будучи рациональной формой мировоззренческой рефлексии, способна заглядывать чуть-чуть вперед. В метафорическом смысле философия, как и высшая математика, подобна сумасшедшему портному: «она шьет штаны на вырост». Иными словами, бывали эпохи, когда успехи метафизики сводились к прояснению смысла отдельных категорий и категориальных связей. Но этим создавались условия для нового синтеза. В Европе эта перестройка началась в XVII столетии и ее отличительными признаками явились унаследованный от христианства и Возрождения антропоцентризм и жесткое легитимизированное Декартом противопоставление субъекта и объекта.

Новый ход мысли позволил отнести к природе как бездонной кладовой, самим богом предназначенной для все более полного удовлетворения потребностей *человеков*. В силу того, что использование природных богатств во многом зависит от достижений науки, «новая философия» подрядилась на службу науке и стала строить себя по модели научного знания. Иначе говоря, главной своей ценностью она приняла истину. Сегодняшнее положение дел в мире таково, что рационализация должна охватить *все* значимые компоненты мировоззрения и — главное — представить их как целостную структуру, т.е. в виде *единого* внутренне дифференцированного предмета, частью которого являются наши представления о бытии.

Отсюда вытекают два вопроса первого раздела: что есть существование и какое, собственно, существование привлекает внимание

онтологов. Второй и третий разделы посвящены отношениям между самоорганизацией, принятием решения и онтологией, где вводится идея принятия решения и показывается связи между понятием бытия и концептом возможно-го. В последнем разделе предлагается рассмотреть отношения возможности с ценностями и обозначить некоторые исторические линии эволюции философского знания, ведущие к современному более строгому взгляду на структуру философии, и на этом основании найти один из формальных критериев для разграничения исторических типов мировоззрений.

1. Что такое существование?

Понятие бытия содержит только один признак — признак существования, и как таковое обладает скудным эвристическим потенциалом. Как максимум оно позволяет ввести в оборот идеи небытия (ничто) и движения как единства сущего и несущего. Но очевидно, что для уразумения того, как и почему разделились онтология и метафизика, этого наблюдения недостаточно. Соответственно, нужна конкретизация идеи существования. Сразу уточним, что классификация видов бытия в статье специально не рассматривается. За отправной пункт примем ту типологию видов, которая в российской традиции конца 80-х была представлена Н. Мотрошиловой и поныне кочует по страницам русскоязычных публикаций. В 2007 г. английский философ Р. Ле Пойдевин предложил примерно такое же описание видов бытия в их корреляции с основными проблемами теории существования [Le Poidevin R., 2009]. Автор дает живое, исторически фундированное и с минимумом технической терминологии изложение материала. Далее будем опираться на некоторые его идеи и интуиции.

Челябинский метеорит, параллельные миры, доказательство теоремы — все это разные виды сущего. Метеорит — вещественный феномен. Доказательство теоремы или гипотеза о структуре универсума — явления ментального порядка. Дыра в куртке или в космосе — еще один вид бытия (небытия?). Во всех этих случаях мы понимаем, о чем идет речь, когда говорим, что они существуют. Но какое именно свойство этих явлений позволяет применить к ним одно и то же понятие — существование? В одном ли и том же смысле слово «быть» ис-

пользуется применительно к доказательству теоремы, метеориту, параллельным мирам и различным дырам? Что же, собственно, означает «X существует»? В идеале хотелось бы получить полное описание того, что значит «существовать».

Обычно мы осознаем существование вещи, когда сталкиваемся с ней: это может быть прикроватная тумбочка, на которую натыкаемся спросонья; звезда, привлекающая наше внимание вечером; дальний родственник, наличие которого мы неожиданно обнаружили. Отсюда можно предположить, что существовать — это оказывать на нас действие. Предположение это прямым ходом ведет к созерцательному взгляду на мир и всем его слабостям. Они хорошо известны, и здесь лишь укажем, что влиять могут и несуществующие (non-existent) объекты. К примеру, шестилетняя Маша может бояться Бармалея. Правда, можно возразить, что важен не сам Бармалей, а *представление* Маши о Бармалее. В таком случае нам придется вернуться назад и уточнить, что объект существует тогда и только тогда, когда он обладает теми или иными свойствами независимо от его репрезентации в качестве обладателя этих свойств. Но познавательной ситуации эта модификация не спасает. Тут возможны три контраргумента.

Во-первых, по Пуадевену, насколько корректно обуславливать существование объекта наличием других объектов? Как быть в случае, если бы в мире существовал только один объект? Он не мог бы повлиять ни на какой другой по самому порядку мироздания. И все же он бы существовал [Le Poidevin R., 2009, p. 84]. Во-вторых, встает проблема несуществующих объектов, ведь кроме Машиного страха перед Бармалеем есть еще числа. Без них не было бы доказательства теоремы. Но как они существуют? Тумбочка (для простоты отождествим материальное с вещественным) локализована в пространстве, но как можно наткнуться на числа? Для объяснения придется вернуться к формам Платона, идеальным сущностям Гуссерля и т.д. В-третьих: чтобы испытывать воздействие другого объекта, нужно существовать, — этот момент, который подчеркивался еще в «Анти-Дюринге», будет важен для понимания функциональных ограничений онтологии.

Во всяком случае ссылка на «воздействие» не выводит определение «существования» за пределы логического круга. Становится ясно, что исходить надо не из действия, а из взаимодействия. Исток догадки кроется в античности: в «Софисте» один из персонажей, которого автор вводит под именем Чужеземца, замечает, что «все, обладающее по своей природе способностью либо воздействовать на что-то другое, либо испытывать хоть малейшее воздействие, <...> — все это *действительно существует*» (курсив наш. — В.Ш.) [Платон, 1970, с. 367]. Чужеземец проводит точку зрения элеатов, и его реплику можно понять трояким образом: (1) как экспликацию перехода от «все течет» к парменидовскому противопоставлению изменения как видимости и неизменности того, чт.е. по истине [Шрейбер В.К., 2010].

По второй версии, позиция Чужеземца скрывает возможность поворота к проблеме несуществующих объектов вроде дыр, отверстий и отражений. Объекты такого рода обладают свойствами. Так, у дыры есть размер и форма. Дыра на джинсах может служить определенным символом. В дыру могут провалиться какие-то предметы. Она обладает локализацией по отношению к другим вещам. Пространство как территорию можно разделить на меньшие участки пространства, но мы не говорим, что дыра содержит в себе дырки меньшего размера. Если исчезнут объекты, окружающие дыру (ткань или участок земли), то исчезнет и дыра. Дыры, хотя они существуют, зависят от наличия других вещей. Ле Пуадевен предлагает закрепить за ними название «полусуществующих» (half-existent) объектов [Le Poidevin R., 2009, p. 87].

Наконец, в третьем толковании взгляды Чужеземца можно репрезентировать как приглашение обратиться к атрибутивной концепции существования, согласно которой существование есть не что иное, как свойство обладать другими свойствами. В середине 70-х гг. эту трактовку подверг анализу британский исследователь Кларк Батлер. «Современная точка зрения, похоже, принуждает (commit to) к утверждению, что существование является свойством иметь свойства (of having properties). В терминах теории типов можно сказать, что существование, подобно свойству иметь все качества достаточной общности, является свой-

ством второго уровня» [Butler С., 1976, p. 118]. Далее автор сопоставляет эту свою идею (очень эскизно) с позицией Канта и Гегеля.

Внешне результат Батлера противоречит воззрениям классиков. Знакомство, к примеру, с кантовской критикой онтологического аргумента показывает, что для Канта существование не является «реальным» свойством; оно не подразумевается понятием предмета, о котором идет речь. Оно обнаруживается в опыте и может быть названо синтетическим апостериори. Вместе с тем существование не является и «логическим» свойством, оно не содержится в понятии обсуждаемого предмета. С этой точки зрения оно есть аналитическое априори. Таким образом, одно и то же свойство может быть реальным (в случае своего воплощения (*exemplification*)) и (при отсутствии этого варианта) иметь лишь логический статус. Но тогда Кант, чтобы не скатиться к скептицизму Юма, вынужден допустить наличие синтетических свойств априори, т.е. таких, которые атрибутируются данному предмету в синтетическом суждении априори. Также и в гегелевском учении признается, что существование может не быть реальным или логическим свойством и оставаться свойством, ибо для Гегеля «быть» — это «быть чем-то». В этом случае утверждение «это существует» является аналитической истиной априори, а существование — логическим свойством. И в критическом идеализме, и в абсолютном так или иначе получается, что существовать в метафизическом смысле — это обладать способностью создавать свойства или, по-другому, атрибуты.

В картезианской версии субстанция имела два атрибута; в свете современных знаний о мире атрибутов может быть много. Последнее обстоятельство открывает перспективу разных классификаций и ведет к вопросу, какое именно существование привлекает онтологов? Онтолог не историк: единичные, сингулярные события онтологов интересуют не больше, чем, скажем, вопрос о том, кто купит замок Аллы Борисовны и Максима Галкина. Онтология ищет общее. Онтолога заботят типы.

Тип — это набор общих характеристик ряда сходных предметов, представленный в виде самостоятельной сущности. Коль скоро онтология озабочена поиском типов, необходимо пояснить, чем онтологическое обобщение отлича-

ется от эмпирического. Батлер усматривает одно из различий эмпирического и онтологического в культурной изменчивости эмпирических типов, в том, что они «зависят от специфических (*particular*) интересов и опыта данной культуры» [Butler С., 1976, p. 121]. Однако сегодня показано, что историческая изменчивость присуща и онтологическим учениям, и различие здесь не в принципе, а лишь в мере. Культурная база онтологии богаче, она много шире, поэтому изменения в учении о бытии идут медленнее, нежели в какой-то частной сфере.

Впрочем, аналитик, видимо, осознает недостаточность своего аргумента и в трактовке онтологического типа предлагает обратиться к «субстанции» как базовому концепту метафизики, понимая ее как некую «по природе (*essentially*) независимую, отдельную (*individual*) и неделимую сущность» [Butler С., 1976, p. 121]. Онтологические типы суть отображения всеобщих сторон и аспектов всех сущностей, и находят они свое выражение в связях категорий. Это положение Батлера представляется разумным и правильным, но оно не так уже сильно отличается от воззрений классиков.

Подводя первые итоги, отметим следующее. В метафизике издавна укоренилось убеждение, что обладать онтологическим статусом и существовать — это одно и то же. Оно позволяет включать в сущее все за исключением логических фикций вроде квадратных кругов или золотых гор. Для классики существовать в метафизически значимом смысле — это быть примером какого-то свойства; слово *exemplification*, которое используется в этом контексте, означает воплощение. Существование с этой точки зрения есть создание экземпляра.

Попытки прояснить смысл «существования» показали, что существование, различие, действие, изменение и взаимодействие представляют собой аспекты одной и той же реальности. Логически они предполагают друг друга: чтобы существовать, надо различаться; попытка приписать бытие одному-единственному объекту превращает феномен существования в фикцию. Единство без различий — это чистая абстракция. Она, правда, «работает» в качестве одного из миров Дэвида Льюиса, но у этого мира очень ограниченная онтология и проблемно существование субъекта. Далее очевидно, что сущие вза-

имодействуют, потому что иначе не было бы изменений. В онтологии есть понятие единичного, но оно обозначает класс означаемых и обнаруживает свою особенность только при сопоставлении с общим. Отсюда одной из кардинальных проблем высокой античности было отношение не души и тела, а, скорее, единого и многого.

Базовые характеристики сущего при всей их взаимоположенности не выводятся друг из друга аналитически; суждения о них можно назвать синтетическими априори. Из множественности форм бытия вытекают возможности разных онтологий, разных толкований субстанции. Во всех вариантах учений о бытии (натуралистических, идеалистических, холистских и атомистических и т.д.) результаты исследовательских штудий мыслятся их создателями как воспроизведение самой реальности. Для Платона, к примеру, существование бестелесных «форм» — это вопрос не вкуса и не точки зрения, но выражение глубинной сущности бытия. Последний вывод вкупе с замечанием Батлера в том, что во всех философских традициях обращение к субстанции обеспечивает понимаемость (*intelligibility*) окружающего нас мира [Butler С., 1976, р. 122], а также побуждает задуматься о причинах этого рецидива философской веры: имеем ли мы дело с психологическим феноменом или за столь редким единодушием стоит нечто такое, что поддерживает онтологию «на плаву» и обеспечивает ей особое место в культуре?

2. «Решение», «ловушки языка» и эволюция

Почему онтологи описывают свой предмет как сущий *in re*? Ответ следует искать за пределами философии, а именно в той роли, которую представления о сущем выполняют при принятии решений. В качестве рабочей модели примем, что, во-первых, самые общие характеристики таких ситуаций представлены в мировоззрении и, во-вторых, мировоззрение состоит из картины мира, ценностей и программ поведения [Шрейбер В.К., 2018]. Но прежде всего уточним, что значит *решить*.

Как поясняет С.И. Ожегов, *решить* — это «обдумав, прийти к необходимости каких-то действий» [Ожегов С.И., 1987, с. 554]. Моменты, подчеркиваемые лексикологом, связывают решение с действием и «обдумыванием». Ре-

шить — это *определиться*, определить что-то *самому и для себя*; базовое понятие «определить» выводит *решение* на более общий категориальный уровень, а именно на уровень каузальных связей. Возвратная частица «ся» указывает на самодетерминацию, на обратные связи и, в конечном счете, на агента (субъекта). Наличие обратных связей — специфическая особенность самоорганизующихся систем. Последние — это достаточно широкий класс объектов, частным случаем которого является живое. Объекты с самоорганизацией открыты, т.е. включены в вещественно-энергетические взаимодействия со средой. Понятно, что факторы среды, которые вовлечены в этот процесс, либо способствуют сохранению этих объектов, либо вредят им. Эти факторы надо различать. Система с самоорганизацией (в языке классики «субстанция») способна — и это еще одно обязательное ее свойство — обрабатывать, копить и соотносить информацию с материальными условиями своего существования. Такая система структурно двуслойна: наряду с вещественно-энергетической организацией, обеспечивающей органическую целостность своих компонентов, она содержит набор моделей, отображающих все значимые моменты этих взаимодействий в параметрах, которые необходимы для воспроизводства данной системы.

В этом пункте мы уходим на уровень организмов, и на авансцену нашего дискурса выйдут различия двух понятий естественного языка: отбора и выбора.

Эти термины часто используются как взаимозаменяемые. На самом деле они связаны с разными категориальными кластерами, и игнорирование этого обстоятельства может обернуться категориальными ошибками. Понятие отбора обрело популярность благодаря успехам биологических наук и философскому осмыслению роли селективных процессов в процессах эволюции. Отбор может в разных аспектах выступать как естественный, искусственный, необходимый или случайный. Но в любом случае в его реализации участвуют внешние факторы, причем отбор тесно связан с феноменом развития. По мысли одного из замечательных сторонников концепции единого закономерного мирового процесса О.А. Барга, отбор является стороной прогрессивно направленного взаимо-

действия высшего и низшего, обеспечивающей «избирательную реализацию возможностей в связи с изменением существующих <...> условий дальнейшего развития. Эти условия <...> ведут к закономерному появлению в мире более сложных вещей, что подразумевает “отождествление собственно высшего <...> с реально возможным”, подчинение <...> низшего высшему» [Барг О.А., 1993, с. 73]. «Отбор, — вторит ему А.Ю. Внутских, другой представитель пермской философской школы, — есть неотъемлемая сторона процесса возникновения высшего из низшего и их взаи-модействия» [Внутских А.Ю., 2011, с. 11]. Вместе с тем чуть дальше он отмечает необходимость различать, с одной стороны, «отбор-сито», действующий на объекты действительности, а с другой, — «“отбор-выбор” еще не воплощенных возможностей» [Внутских А.Ю., 2011, с. 12, 14]. В этой интерпретации отбор и выбор — различающиеся процессы. Но стоят ли за этими несходствами различия категориального плана, — это, похоже, нуждается в пояснении.

Отбор, даже если учесть потуги природы на самоорганизацию и те модификации, которые теория развития претерпела благодаря исследованиям в области неравновесных динамических систем с их странными аттракторами, точкой бифуркации, иерархией возможностей и пр., в целом остается процессом объективным. Потому концепция всеобщности отбора, думается, позволяет схватить эти новые модификации. Проблема видится в другом: новации оставляют за бортом радикальные сдвиги в онтологическом статусе информационных процессов.

Информационные процессы в самоорганизующихся системах играют сугубо подчиненную роль: они отражают соответствующие значимые факторы внешней, а равно и внутренней среды существования этих систем. Остановимся лишь на отношении таких систем к внешней среде и отметим, что для них отражение (если в данном случае об этом можно говорить) в принципе изоморфно. В процессах функционирования самоорганизующихся объектов систематические отклонения модели («образа») от оригиналов невозможны. Если отклонение возникает, руководствующийся им объект либо гибнет, либо преобразуется. Этот момент теорией селективных процессов прописан. При этом процесс отбора объективен не только в

плане независимости от отдельной особи, но и в том, что имеет своим объектом не особь, а популяцию. Другими словами, животные, обладающие психикой, могут только ошибаться. Заблуждение для них недоступно. Психическое здесь есть отражение физического. Оно в буквальном смысле вторично.

В связи с этим уместно вспомнить ожеговское «обдумав» и обратиться к выбору и принятию решения. Выбор и решение — проявления свободы. Именно свобода отличает индивида от самых совершенных его предшественников по эволюционному древу. В концептуальном плане «свобода» тянет за собой новый категориальный кластер, компоненты которого должны, среди прочего, учитывать замену популяции родом и социумом, сдвиг от приспособления к среде на деятельность по изменению последней и — что тоже немаловажно, — дополнение ориентаций индивида на витальные нужды с учетом потребностей его «неорганического тела». Все эти новшества были бы невозможны без коренных изменений в способах обработки и использовании информации в жизни людей.

Итак, что же может означать принятие решения с точки зрения «обдумывания»?

Если обратиться к повседневной практике словоупотребления, то тут возможны разные ответы. В русском языке, как отмечает тот же Ожегов, под «решением» могут подразумеваться: 1) постановление (ратификация); 2) вывод из рассуждения (заключение); 3) ответ к задаче. Примерно так же распределяются смысловые оттенки этого слова в английском языке: *decision* — это иногда оценочное суждение (*judgment*), а иногда выбор (*choice*), которые делаются после обдумывания или обсуждения того, что лучше всего сделать [Hornby A., 2000, p. 325]. В смысле оценочного суждения оно обычно означает формальное подтверждение, позитивную оценку (*approval*). В этом смысле «принять решение» эквивалентно «одобрить и действовать в плане одобренного». Что же касается отождествления решения с выбором, то его чаще придерживаются приверженцы волюнтаристских взглядов. Нам эта позиция известна по произведениям Сартра. С конца семидесятых популярным пропагандистом волюнтаристских идей был австралиец

Джон Маки, который доказывал, что моральная ценность действия или черт характера, а также принципы, помогающие установить эту ценность, — все они зависят от наших решений [Maski J.L., 1991].

В языковых интуициях эти смысловые нюансы обычно скрадываются. Естественный язык легко связывает «решение» и «оценку» в единую концептуальную структуру, где обращение к одному слову молчаливо подразумевает ссылку на другое; языковая конструкция высвечивает ту или иную компоненту ситуации решения в зависимости от контекста.

3. Схема принятия решения и онтология

Эти особенности языка означают, что полноценная экспликация онтологических аспектов феномена требует теоретического подхода. В публикациях по экономике, менеджменту и педагогике нет недостатка в рекомендациях относительно того, как действовать рационально. Однако теории рационального выбора концентрируются на *процессе* принятия решения (далее — ПР), а характеристики ситуации, где возникает нужда в такой процедуре, затрагиваются мимоходом. Видится необходимым дополнить процессуальный (динамический) подход пространственным, т.е. анализом отношений между компонентами ПР в аспекте их *существования*. Этот взгляд позволит вычленивать именно ситуацию ПР. Для обозначения единства пространственного и динамического измерений будем пользоваться понятием *схемы* принятия решения.

Когда Иван Иванович озаботился заменой летней резины на зимнюю, он попал в ситуацию принятия решения. Содержательно такие ситуации различаются в зависимости от образования, возраста, профессии, статуса и прочих особенностей того, кто принимает решение. Однако существование таких ситуаций является неперменной, если угодно, формальной принадлежностью рода *Ното*. Структурно они достаточно устойчивы и раскладываются на три компонента: 1) набор вариантов или опций, которые позволяют преодолеть возникшую трудность; 2) критерий определения оптимального варианта; 3) средство для реализации выбранной опции.

Строго говоря, в эту структуру надо включать и того, кто *решает*. Но в схеме ПР субъект

занимает особенную позицию в сравнении с компонентами, указанными ранее. Природа субъекта оказывает влияние на отношения между отбором и выбором, и мы коснемся этого вопроса в следующем разделе настоящей статьи. Пока же отметим, что наша модель ПР при всех своих упрощениях отображает то, что существует в реальной жизни. Компонент номер один — это прежде всего набор альтернатив. Решают там, где есть опции. Опции, по существу, суть возможности. Возможности — это тенденции, реализация которых сталкивается с недостаточностью условий. Мера дефицита, разумеется, различается, но его ликвидация ведет к уничтожению самой возможности. Она либо исчезает, либо превращается в действительность. Отсюда первый компонент ситуации ПР наряду с тенденциями включает *условия* (всегда в той или иной степени недостаточные), при которых они могут стать реальностью. Субъект деятельности стремится либо «достроить» их до уровня самореализации тенденции, либо в нежелательных случаях (скажем, эпидемия или ядерный конфликт) заблокировать.

Еще раз отметим, что тенденции и условия их реализации существуют не как улыбка Чеширского кота, но *in re*, т.е. на самом деле. Неполное описание наличных опций может обернуться серьезными упущениями при постановке цели, а неверный учет условий — катастрофой. Отсюда обязательными требованиями к первому компоненту ситуации ПР являются полнота, непротиворечивость и *истинность* предлагаемого им описания. Принятие решения нацелено на информационное обеспечение нашей деятельности. Оно является когнитивным феноменом, и по этой причине для обозначения составных частей *схемы* ПР обратимся к терминологии, применяемой при описании эпистемической структуры мировоззрения. Первый компонент нашей модели можно назвать картиной мира. Феноменолог в этом контексте предложил бы концепт жизненного мира и, возможно, здесь оно точнее, но нужны дополнительные изыскания.

Ситуация с автомобильными покрышками сравнительно простая. В реальной жизни опции и их структуры значительно сложнее и многообразнее. Нередко они включают информационную компоненту. В ряде случаев составной

частью опции является идея Бога (вспомним Машу и Бармалея). Бог вроде бы принадлежит к несуществующим сущностям. Однако во многих конфликтах идея бога была значимым политическим фактором. За ней стояла масса реальных структур и организационных форм. Она имела онтологическую значимость, коль скоро люди были готовы действовать от имени и во славу Божию. Таким образом, область апелляции к возможному расширяется. Ее результаты вследствие своего обобщения дают то, что называют мудростью, т.е. умением различать возможности, ставить реальные цели и выбирать оптимальные средства. Мудрость, пожалуй, сводится к способности ответа на вопрос «а тебе это нужно?», но об этом в следующем разделе.

Пока же отметим, что одна из путаниц, возникающих вокруг ситуации ПР, обусловлена ее саморефлексивностью, т.е. возможностью обращения на саму себе. Возможно, эта квалификация не самая прозрачная и пояснить ее возможно с помощью понятия рекурсии. В лингвистике под рекурсией понимается способность предложения порождать в себе языковые формы, которые синтаксически копируют базовое. Так устроена матрешка: первая — это самая большая, за ней идет такая же, но поменьше, и т.д. Отношения внутри матрешки рекурсивны. Наша модель тоже рекурсивна. Она допускает определение (структуриацию) любого компонента схемы ПР через саму себя. К примеру, для технолога его картина мира (поле возможностей) образуется множеством имеющихся технологий, позволяющих получить желаемые параметры продукции, условиями реализации которых будут средства труда и люди, обладающие необходимыми производственными навыками. Но люди — это все-таки не условия, а субъекты решений. Другой пример: при определении стратегии хозяйствующий субъект может столкнуться с проблемой множественности *критериев*: себестоимость, спрос, быстрота в перестройке ассортимента продукции, условия труда и уровень жизни работников и т.п. Кроме того, эти критерии могут сталкиваться. В этой недоопределенности критерия есть отличие выбора от отбора.

Для перехода к ценностям вспомним, что продукты философской рефлексии суть синтетические априори. Новые категориальные гра-

дации получают права гражданства путем включения в уже показанные категориальные зависимости. Отсюда вопрос о причинах устремлений онтологов к описаниям *in re*, поставленный во второй части исследования, меняет форму. Теперь он выглядит так: каким образом одним из базовых приоритетов учения о бытии стал интерес к возможности? Метафизика веками считалась «наукой о последних причинах», она была исследованием механизмов детерминации. Конечно, «причинность» и «возможность» — члены одного и того же кластера. Но почему произошло смещение фокуса от изучения первой ко второй? Однако и это — только одна сторона ситуации. Ценности существуют. Они, стало быть, представляют собой законный предмет онтологических интересов. Если существует внутренне необходимая связь между бытием и возможностью, то каковы ее особенности в сфере ценностей? Допущение особенного характера такого сцепления закономерно, поскольку ценности и картина мира выполняют специфическую функцию и в принятии решений, и в структуре мировоззрения.

Под ценностями обычно понимают свойства предметов и отношений, благодаря которым они способны удовлетворять наши нужды. В нашей модели ценности служат *критериями* оценки. Они косвенно определяют тезаурус возможностей, которые фиксируются принятой онтологией, задают правила выбора оптимального варианта и мотивируют цель. В технических системах с элементами самоорганизации эти критерии закладываются разработчиком. У живых существ критериями выступают потребности организма, и применительно к ним понятие ценности, по крайней мере, спорно. Животные, которые обладают психикой и эволюционно близки к нам, в принципе способны к формированию вторичных значимостей и условных программ поведения. Но, как отмечал еще Юм, эти «наработки» исчезают со смертью данной особи [Юм Д., 1996]. В человеческом мире жизненные ситуации складываются иначе.

4. Ценности, Лейбниц и принцип достаточного основания

В позднее средневековье и далее у Гоббса и Руссо появился образ человека как существа с двумя телами: природным (органическим) и политическим (неорганическим). Свою самую

методологически богатую форму эта метафора получила у Маркса в рукописях 1844 г. Тело — система органов, обеспечивающая биологическое существование человека. Неорганическое, то есть рукотворное тело, функционально дополняет и расширяет возможности естественных органов (рук, зубов, мозга и т.д.). Неорганическое тело социально по происхождению, является общей (по крайней мере, изначально) принадлежностью рода и воспроизводится усилиями поколений. В русле развития этой метафоры рано или поздно возникает вопрос: если организм человека имеет потребности, то не резон ли предположить, что нечто подобное имеет место и в плане его неорганического тела? Думается, ответ будет положительным; весь исторический материализм — это ничто иное как подстрочник к этой метафоре. Ограничимся лишь парой замечаний, которые из нее вытекают и помогут разобраться в отношениях ценностей с возможностями.

Понятно, что неорганическое тело требует внимания и заботы ничуть не меньше, чем тело природное. Машина, конечно, не будет переживать, если вы своевременно не замените летнюю резину на зимнюю. Но без этой замены у нее больше шансов превратиться в груды искоженного металла и перестать быть частью (в данном случае, вашего) неорганического тела. Нужды или потребности (возможно между теми и другими есть разница, но здесь это не обсуждается) неорганического тела должны быть поняты и закреплены в особой знаковой форме. Люди их осознают вследствие своего места в воспроизводстве социальных связей и фиксируют в форме ценностных установок. В экономическом и иногда социально-философском контексте ценности мыслятся как полезности, в антропологии Хайдеггера — как характеристика «подручностей». Чаще же под ценностями понимаются оптимальные параметры отношений между людьми; в этом случае формой их выражения становится то, что называют *духовными ценностями*. Во всех вариантах, т.е. и как свойства вещей, и как свойства человеческих отношений, и как их образцы ценности онтологически двойственны.

В философской традиции эта двойственность нашла выражение в понятиях субстанции и субстрата. В субстратном плане ценности (даже духовные) принадлежат вещественному

миру, по форме существования они подчиняются законам природы и в предметном *описании* относятся к классу алетических. Однако они обретают свою значимость только внутри и посредством общества; обусловленные этим черты составляют субстанциональную характеристику ценности. Одной из таких черт является интенциональность. У Brentano и Husserl понятие интенциональности фиксирует обязательность объекта мысли: сознание не бывает пустым, оно всегда о чем-то. Сегодня интенциональность трактуют как всеобщий момент человеческого бытия [Johansson I., 2004, p. 15]. Интенциональность биполярна: один ее полюс — субъект, другой — это интенциональный коррелят (он может быть и вымышленным). Подобно причинности, интенциональность обладает направленностью. Разница между ними следующая. Если следствия и причины суть формы взаимодействия настоящего с прошлым, то интенциональность связывает настоящее с *будущим*. Стандартным примером этой связи являются цели, т.е. модели потребного будущего. Однако наши потребности по природе двойственны: удовлетворение субстратных (базовых) нужд является императивным условием выживания индивида, но реализация этого условия зависит от способности данного индивида отвечать запросам общества. Последнее означает, что формирование целей происходит под воздействием ценностей. Ценности, однако, очень разнородны.

Возможности, репрезентированные ценностями, отличаются от возможностей, представленных в картине мира по крайней мере двумя чертами. Первая состоит в способах их принятия индивидом. Вторая — ценности по природе своей являются феноменом культурно-историческим. Они различаются сферой применимости, мерой обязательности, а также социальным положением того, кто ими руководствуется. Отсюда очень вероятно, что царство ценностей содержит собственный набор возможностей, между которыми могут быть как синергия, так и конкуренция. В жизни эти различия нам более или менее известны; проблему же составило уточнение метафизического основания.

Одним из первых, кто сумел в какой-то мере прояснить ситуацию, стал Лейбниц. Определенную роль в успехе сыграло точное соответствие между логическими идеями и метафизи-

кой ученого. В плане нашей темы важно, во-первых, указать на разграничение им истин разума и факта. Необходимость истины первого рода, по Лейбницу, устанавливается логически; противоречить подобной истине бессмысленно, ибо такая процедура ведет к противоречию. Истины факта случайны. Они требуют эмпирической проверки и в терминах Канта могут быть названы синтетическими. Во-вторых, новацией, которая открыла перспективу осмысления мировоззренческих различий онтологических и ценностных представлений, явился закон достаточного основания.

В комментарии к книге архиепископа У. Кинга, по проблемам и целям сходной с «Теодицеей», Лейбниц подчеркивает значимость «двух великих начал»: «начала тождества или противоречия», согласно которому из двух противоположных предложений только одно является истинным, и «начала достаточного основания, утверждающего, что предложение не является истинным, когда при имеющихся сведениях, необходимых для его понимания, нельзя усмотреть его основания». Оба «начала» действуют в отношении как необходимых, так и случайных истин, и действуют так, чтобы истин, не имеющих достаточного основания, не существовало, «ибо <...> оба эти начала входят в определение истинного и ложного» [Лейбниц Г., 1989, с. 441].

Нынешние исследователи, соглашаясь с Лейбницем в том, что оба принципа (сегодня их чаще называют законами) как бы перекрывают друг друга, различают их по уровню формализации. Требование достаточности основания носит качественный характер, и потому выходит за границы чистого мышления. Вследствие многообразия своих практических приложений принцип достаточного основания не поддается формальной интерпретации. Возможно, будущие логики и разработают соответствующий инструментарий. Однако в таком случае им придется ответить на два вопроса: что означает достаточность в данном конкретном случае и кто является тем реальным субъектом, который принимает данное обоснование в качестве достаточного.

Спиноза, с которым Лейбниц состоял в переписке, был, как и его ученый коллега, рационалистом. Одновременно с этим он придерживался пантеизма, и потому для него последних двух вопросов просто не существовало. Спино-

за неизменно определяет возможность как понятие, обусловленное ограниченностью нашего интеллекта и не имеющее объективной значимости. Реальное разделение, по его убеждению, пролегает между необходимостью и невозможностью, и между ними нет середины. Согласно Спинозе, найти достаточное обоснование ложного утверждения невозможно.

Лейбниц разграничивает теоретическую и практическую сферы бытия и — в этом его новизна — подчеркивает значимость достаточности основания именно для повседневной жизни. Философ, как мы уже отмечали, проводил различие между необходимыми и случайными истинами: оспаривать первые невозможно, эмпирические истины, напротив, критике поддаются. Обоснование последних предполагает выявление всех условий истинности и, если принять принцип непрерывности, уходит в бесконечность. Здесь приходит на помощь принцип достаточного основания, ориентированный на ограниченную практику и определенного субъекта. Случайные истины фиксируют возможное; они «возникают из преобладающего основания, которое, — как поясняет Лейбниц, — склоняет нас [к признанию. — В.Ш.], не принуждая» [Лейбниц Г., 1989, с. 441].

Свойство случайной истины «склонять без принуждения» Лейбниц обращает в инструмент для критики локковского эмпиризма. «Опыт о человеческом разумении» Локка отличался продуманностью изложения, богатством психологического, этнографического и педагогического материала и произвел впечатление на современников. Лейбниц почувствовал себя обязанным разъяснить свою позицию. Эту задачу он выполняет в «Новых опытах», где наряду с гносеологическими вопросами затрагиваются практические «начала». Словом «ценности» автор не пользуется (оно вошло в философский лексикон лишь к концу XIX в.) и сводит свой дискурс к проблеме справедливости. Тем не менее «справедливость» показала себя достойным эквивалентом. Будучи мерой согласования человеческих интересов, она находится на средоточии ценностных представлений и охватывает все сферы нашей жизни. Не удивительно отсюда, что в центре дискуссии между героями «Новых опытов» — лейбницеанцем Теофилом и сторонником Локка Филалетом — оказалась идея справедливости.

Оба персонажа признают важность справедливости для сохранения целостности общества. В ответ на реплику Филалета о серьезных различиях в понимании того, что считать справедливым, Теофил вводит идею склонности. Однако склонность — это не врожденная истина. Теофил мог бы трактовать склонность к добру формально в духе Канта, но для создателя монадологии это закрытый путь, его интуиции содержательны [Нарский И.С., 1983]. Вслед за Филалетом Теофил вынужден признать значение воспитания, традиции и разума [Лейбниц Г., 1983, с. 95]. Теоретически эта уступка оправдывается принципом достаточного основания, ибо, как саркастически замечает Филалет, в отношениях между собой даже бандиты руководствуются правилом справедливости [Лейбниц Г., 1983, с. 91]. Полную же достоверность требованиям справедливости и морали в целом дает бог. Это допущение спасает рационалиста Лейбница от этического релятивизма.

Заключение

Возможности, репрезентированные ценностями, отличаются от возможностей, представленных в картине мира, двояким образом. Первое состоит в способах существования, второе носит гносеологическую (логическую) природу и проявляется как различие между принципом противоречия с одной стороны, и достаточного основания — с другой. Важным шагом в этом направлении явилось различие между теоретическим и практическим отношением человека к миру. Метафизическая новизна Лейбница в том, что он нашел эпистемическое основание разграничения двух типов возможностей в человеческой жизни: одно из них работает объективно, другое функционирует как объективированная форма человеческих убеждений. Отделение возможного от невозможного в рамках картины мира требует объяснения. Разграничение их в ценностной сфере опирается на принцип достаточного основания и как таковое зависит от субъекта, усвоенных традиций и способности внять тем или иным доводам, будь то ссылка на предков или на авторитет. Другими словами, ценностный выбор нуждается в обосновании. Цель обоснования — не истина, но принятие! Если слова командующего приняты к исполнению, то его авторитет достаточен для обоснования в лейбнизианском смысле слова. Таким образом, по-

хоже, что основным «движителем» развития мировоззрения является отношение онтологии и ценностей. У них есть общее: они образуют поле возможностей. Но они по-разному обосновываются и по-разному влияют на ПР. Это противоречие, будучи базовым для мировоззрения, повлияло на эволюцию онтологии.

Выражение признательности

Автор благодарит доктора философских наук *В.А. Рыбина* (Челябинск) и доктора философии *Г.Ш. Ишмаева* (Делфтский технический университет) за доброжелательную критику, которая помогла довести драфт до публикации.

Acknowledgements

The author thanks Doctor of Philosophy *V.A. Rybin* (Chelyabinsk) and Doctor of Philosophy *G.Sh. Ishmaev* (Delft University of Technology) for kind criticism, which helped to bring the draft to publication.

Список литературы

- Барз О.А.* Живое в едином мировом процессе. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993. 227 с.
- Внутских А.Ю.* О двух аспектах философской концепции отбора // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2011. Вып. 4(8). С. 10–22.
- Лейбниц Г.* Замечания на книгу о начале зла, изданную недавно в Англии // Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1989. Т. 4. С. 427–466.
- Лейбниц Г.* Новые опыты о человеческой разумности автора системы предустановленной гармонии // Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 2. С. 47–545.
- Маркс К.* К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1959. Т. 13. С. 1–167.
- Нарский И.С.* Основное гносеологическое сочинение Лейбница и его полемика с Локком // Лейбниц Г.В. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 2. С. 3–46.
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1987. 750 с.

Платон. Софист // Платон. Сочинения: в 3 т / под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1970. Т. 2. С. 319–399.

Шрейбер В.К. Как первые греческие философы стали «физиками» // Современная онтология – IV: материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 28–30 июня 2010 г.) / отв. ред. П.М. Колычев. СПб.: Изд-во СПбГУИТМО, 2010. Т. II. С. 145–168.

Шрейбер В.К. О мировоззрении, его структуре и отношениях с философией // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 2. С. 191–202. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-2-191-202>

Юм Д. О рассудке животных // Юм Д. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 89–92.

Butler C. On the Impossibility of Metaphysics without Ontology // *Metaphilosophy*. 1976. Vol. 7, iss. 2. P. 116–132. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9973.1976.tb00625.x>

Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford, UK: Oxford University Press, 2000. 1540 p.

Johansson I. Ontological Investigations: An Inquiry into the Categories of Nature, Man and Society. Berlin, DE; Boston, MA: Walter De Gruyter, 2004. 432 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110329865>

Le Poidevin R. Existence // *Central Issues of Philosophy* / ed. by J. Shand. Malden, MA: Blackwell, 2009. P. 81–94. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781444315837.ch6>

Mackie J.L. Ethics: Inventing Right and Wrong. London; N.Y.: Penguin Books, 1991. 256 p.

References

Barg, O.A. (1993). *Zhivoe v edinom mirovom protsesse* [Living in a unified world process]. Perm: PSU Publ., 227 p.

Butler, C. (1976). On the impossibility of metaphysics without ontology. *Metaphilosophy*. Vol. 7, iss. 2, pp. 116–132. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9973.1976.tb00625.x>

Hornby, A.S. (2000). *Oxford advanced learner's dictionary of current English*. Oxford, UK: Oxford University Press, 1540 p.

Hume, D. (1996). [Of the Reason of Animals]. *Yum D. Sochineniya: v 2 t*. [Hume D. Works: in 2 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 2, pp. 89–92.

Johansson, I. (2004). *Ontological unvestigations: an inquiry into the categories of nature, man and society*. Berlin, DE, Boston, MA: Walter De Gruyter Publ., 432 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110329865>

Le Poidevin, R. (2009). Existence. *J. Shand (ed.). Central Issues of Philosophy*. Malden, MA: Blackwell Publ., p. 81–94. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781444315837.ch6>

Leibniz, G.W. (1983). [New essays on the understanding, by the author of the system of pre-established harmony]. *Leybnits G.V. Sochineniya: v 4 t*. [Leibniz G.W. Works: in 4 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 2, pp. 47–545.

Leibniz, G.W. (1989). [Observation on the book concerning «The origin of evil» published recently in London]. *Sochineniya v chetyrekh tomah. T.4* [Works in 4 vols.]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 4, pp. 427–466.

Mackie, J.L. (1991). *Ethics: Inventing right and wrong*. London, New York: Penguin Books Publ., 256 p.

Marx, K. (1959). [Critique of political economy]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t*. [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 13, pp. 1–167.

Narskiy, I.S. (1983). *Osnovnoe gnoseologicheskoe sochinenie Leybnitsa i ego polemika s Lokkom* [The main epistemological work of Leibniz and his polemic with Locke]. *Leybnits G.V. Sochineniya: v 4 t*. [Leibniz G.W. Works: in 4 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 2, pp. 3–46.

Ozhegov, S.I. (1987). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 750 p.

Plato (1970). [Sophist]. *Platon. Sochineniya: v 3 t*. [Plato. Works: in 3 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 2, pp. 319–399.

Shreiber, V.K. (2010). [How the first Greek philosophers became «physicists»]. *Sovremennaya ontologiya – IV: Problemy metoda: materialy mezhdunar. nauch. konf. (Sankt-Peterburg, 28–30 iyunya 2010 g.)* [Modern ontology – IV: Problems of the method: materials of the International scientific conference (St. Petersburg, June 28–30, 2010)]. St. Petersburg: ITMO University Publ., vol. 2, pp. 145–168.

Shreiber, V.K. (2018). [On worldview, its structure and relation to philosophy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 2, pp. 191–202. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-2-191-202>

Vnutskikh, A.Yu. (2011). [Two aspects of selection's philosophical conception]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 4(8), pp. 10–22.

Об авторе

Шрейбер Виктор Константинович

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии

Челябинский государственный университет,
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129;
e-mail: shreiber@csu.ru
ResearcherID: ITU-9381-2023

About the author

Viktor K. Shreiber

Candidate of Philosophy,
Associate Professor of the Department of Philosophy

Chelyabinsk State University,
129, Kashirin brothers st., Chelyabinsk, 454001, Russia;
e-mail: shreiber@csu.ru
ResearcherID: ITU-9381-2023